

Шабров Михаил

ОЛЬГА СОЛОВЬЁВА: «Искусство требует жесточайшего контроля и самоограничения»

интервью Галина Тюрина

В ИЮНЕ ЭТОГО ГОДА В СВЕТ ВЫШЛИ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ФОРТЕПИАННЫХ ПЬЕС А. К. ЛЯДОВА, ЗАПИСАННЫЕ МОСКОВСКОЙ ПИАНИСТКОЙ ОЛЬГОЙ СОЛОВЬЁВОЙ. ЧУТЬ РАНЬШЕ БЫЛ ВЫПУЩЕН CD С КАМЕРНОЙ МУЗЫКОЙ БОРИСА ЧАЙКОВСКОГО, ТАКЖЕ С УЧАСТИЕМ ОЛЬГИ. ЭТО ПОСЛУЖИЛО ПОВОДОМ ПОГОВОРИТЬ С НЕЙ О ЛЯДОВЕ, О БОРИСЕ ЧАЙКОВСКОМ, О МУЗЫКАЛЬНОМ ИСПОЛНИТЕЛЬСТВЕ И ПЕДАГОГИКЕ.

Сколько фортепианных пьес Лядова Вы записали?

Я записала все известные сочинения для одного пианиста и несколько набросков из архивов. Музыки получилось примерно на три с половиной часа звучания (4 CD), это самое полное собрание лядовских сольных пьес.

Почему Вы взяли за музыку Лядова, что привлекло в ней?

Идею записать «всего Лядова» подсказал композитор Пётр Климов, который в 2004 году обратил внимание на то, что немногие пьесы Анатолия Константиновича получили известность, а на пластинках и CD выходили лишь отдельные подборки. Начав готовить пьесы Лядова к исполнению и записи, я убедилась в том, что это удивительный композитор. Его произведения (каждое – шедевр!) душевны и поэтичны, сделаны с особой тщательностью. Их можно сравнить с ювелирными изделиями ручной работы. В ранних опусах чувствуется влияние Шумана и Шопена, но и там типично «лядовские» черты заметны. Фортепианное творчество Лядова имеет важнейшее значение для русской музыки, для мирового искусства.

Записав «всего Лядова», узнали Вы что-то о нём, как о человеке?

В начале работы я не знала многих деталей его жизни. Слышала, что бытует мнение о лени Лядова. Но с этим нельзя согласиться: этот «ленивый» человек посвятил почти сорок лет жизни преподавательской деятельности, а количество созданного им не так мало, как кажется: кроме 67 изданных нумерованных опусов и около 20 нумерованных, Лядов сделал порядка двухсот обработок народных песен – кажется, больше, чем кто-либо из современников. Много работал над оркестровками сочинений других композиторов, участвовал в написании коллективных произведений. Читая воспоминания о Лядове, его письма, я многое узнала о личности Лядова. Это был очень милый человек, искренний, но закрытый от посторонних; твёрдый в вопросах искусства и в человеческом общении. Кстати, сейчас готовится к изданию (я немного участвую в этом) «Книга о Лядове», основанная на воспоминаниях и критических работах Ольги Афанасьевны Корсакевич, двою-

Ольга Соловьёва, Александр Рудин.

родной сестры композитора. В каком-то смысле вдохновителем книги стал Анатолий Евгеньевич Помазанский (внучатый племянник Лядова), с которым периодически общаюсь по скайпу. Надеюсь, книга выйдет в конце этого года.

Давайте перейдём к музыке Бориса Чайковского, выдающегося композитора XX века – в Вашем репертуаре много его произведений, Ваши записи сочинений Б. Чайковского отмечены отечественными и зарубежными изданиями. Что Вам близко в его творчестве?

Мне близки, и музыка Б.Чайковского, и его человеческие качества. Правда, общаться с ним лично не довелось, но большое влияние на меня оказало общение с вдовой композитора – замечательной и мудрой Яниной Иосифовной. На протяжении более 10 лет – до её кончины в 2013 году – я часто бывала в их квартире, играла там те произведения, которые готовила. В моём

репертуаре, за редким исключением – почти все сочинения Б.Чайковского с участием фортепиано – сольные, камерные, камерно-вокальные, фортепианный концерт. Почти всё удалось записать. Самым важным в музыке Бориса Чайковского для меня является прямота и простота в выражении очень глубоких идей, чувств и мыслей. Замечательная особенность его творчества – способность говорить то, что хочется сказать, не заботясь о музыкальных условностях. Несомненно, композитору потребовалось время, чтобы прийти к такой свободе самовыражения. Это видно на примере произведений зрелого периода. Музыка Б. Чайковского, на мой взгляд, абсолютно уникальна; при своей простоте, она чрезвычайно поэтична и светла.

Вы упомянули камерные произведения Б.Чайковского. Как я знаю, Вы любите жанр камерной музыки. Кого из

музыкантов, с которыми играли в ансамбле, Вы бы отметили?

В первую очередь – ирландский «Вэнбру-Квартет». Это необыкновенные музыканты. Я бы назвала их идеальными партнёрами в ансамбле. Мы подготовили и исполнили с этим коллективом в Ирландии и в Москве несколько квинтетов – Фильда, Алябьева, Брамса, Форе, Шостаковича, Алоиза Флейшмана, Б. Чайковского (последний и записали для CD). Хочется сказать про двух выдающихся виолончелистов, с которыми мне довелось сыграть: с Александром Рудиным в мае этого года исполнили программу на Фестивале искусств имени А. К. Лядова в Боровичах, а с Рулом Дильгинсом я играла несколько лет назад в Бельгии. Ещё – замечательный скрипач Сергей Костылёв, с которым мы много выступали, а также записали диск В. Я. Шебалина (должен выйти в следующем году); хорошие концерты были с петербургской певицей Людмилой Шкиртиль.

Вы ведь выступаете не только в России?

Несколько раз я играла в Ирландии (включая Фестиваль в Бантри) и Бельгии; довелось принять участие в Фестивале *Raritäten der Klaviermusik* в немецком Хузуме, выступала во Франции, в Литве, в Бразилии.

Какой самый большой зал, где Вы играли?

Это роскошный зал на 1500 мест – Sala Sao Paulo в Бразилии, где я играла 2-й концерт Рахманинова, с оркестром OSUSP под управлением прекрасного дирижёра Вагнера Полищука.

В Вашем «послужном списке» – участие в нескольких конкурсах камерной музыки. Вы – лауреат Национального конкурса имени Танеева, финалист конкурса в итальянском Трапани. На XII Международном конкурсе имени П. И. Чайковского Вы были удостоены специального приза «Лучший концертмейстер». А в сольных конкурсах участвовали?

Нет. На последних курсах обучения в РАМ им. Гнесиных я увлеклась камерной музыкой, благодаря профессору Леониду Кононовичу Блоку, выдающемуся пианисту и педагогу (в класс которого я перевелась на 4-м курсе). Его талантливая увлечённость музыкой, искромётный артистизм, человеческое обаяние, высочайший профессионализм и отношение к своему делу, не терпящее ни малейших уступок самому себе в творческой работе, и, поэтому, требовательное отношение к ученикам – как магнит, притянуло меня в мир камерной музыки. В классе Л.К.Блока я окончила и ассистентуру-стажировку. [От редакции: когда интервью готовилось к печати, пришло печальное известие о кончине Л.К.Блока 21 июля 2016 г., на 80-м году жизни] Вопрос о сольной карьере меня тогда не волновал. Сейчас я играю и сольные, и камерные программы.

Ваша занятость преподавательской деятельностью не мешает карьере исполнительской?

Не мешает, но отнимает много сил. К сожалению, сейчас быть играющим педагогом сложнее, чем просто педагогом, при равной учебной нагрузке (а снижать нагрузку не разрешают). Хотя очень люблю заниматься со студентами – я преподаю камерный ансамбль в Колледже имени Гнесиных уже почти двенадцать лет.

Раз мы заговорили про педагогику – чему Вы уделяете больше всего внимания?

Ольга Соловьёва со своими учениками, выпускниками 2013 года.

Ольга Соловьёва, Сергей Костылёв.

У меня один подход при собственном разборе произведений и при работе со студентами. Если сказать коротко: композитор всё написал в нотах. Общаюсь с учениками, я обращаю их внимание на то, что при исполнении произведений нужна предельная точность в передаче авторских обозначений и понимание их необходимости, так как в них заложены логика, мысли и чувства. И исполнитель должен пропустить всё задуманное композитором через себя. Этот процесс бывает трудным и зачастую – долгим. Иногда даже приходится работать над тем, чтобы избавиться от собственных «хотелок». Искусство требует жесточайшего контроля и самоограничения. Я не люблю слово «интерпретация», с сомнением отношусь, когда превозносят «вдохновение». Когда говорят про вдохновение, про свободу исполнения и выражения, хочется сказать: всё это без определённой кропотливой работы никогда не появится, а невнимание к авторскому замыслу губит музыку.

Фото из архива О.Соловьёвой.